

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

17
(934)

ISSN0132-2141

ЮРИЙ БОРИН

КАКАДУ
В
ПОРТФЕЛЕ

Дружеский шарж А. КРЫЛОВА

Чрезвычайно трудно объяснить, почему человек, считающийся нормальным и практически здоровым, принимается писать фельетоны.

Заметьте, не очерки, прославляющие благородные деяния современников, не репортажи о замечательных свершениях, а именно фельетоны, чем несомненно вызывает огонь на себя. Ибо никому и никогда не доставляла радость критика, даже если она была конструктивной, принципиальной и в высшей степени справедливой.

Согласитесь, такое поведение упомянутого сочинителя наводит на размышления.

И все же... и все же он упорно продолжает вот уже тридцать лет сочинять фельетоны, посвятив себя критической музе (если такая существует). Он широко печатается во многих изданиях (но главным образом в любимом «Крокодиле»), а когда накопится изрядная толика критической продукции — выпускает сборники фельетонов и сатирических рассказов.

ЮРИЙ БОРИН

КАКАДУ

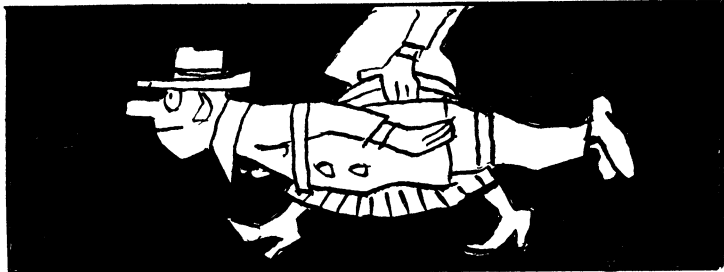
В

ПОРТФЕЛЕ

РАССКАЗЫ И ФЕЛЬЕТОНЫ

Рисунки И. СЫЧЕВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1983 г.

ЭКСПОНАТ

На днях в универмаге на нашей улице открылась выставка-продажа чего-то такого, а чего — понять нельзя. То ли залежалых товаров, то ли бракованных изделий...

И я, значит, тоже присутствовал на этой выставке. Только не в качестве зрителя-покупателя, а, как бы сказать, экспоната. Черт знает что!

В общем, стою я неподвижно, руки чайником, глаза выпучил, а мимо меня народ разный прохаживается. Прохаживается и в мой адрес разнообразные реплики пускает.

Один довольно-таки наглый тип поглядел косо и заявил своей спутнице:

— Не понимаю, почему такой неинтересный товар нынче выставляют. Просто тошно смотреть.

— Ну, не скажи,— возражает дама.— Ты посмотри, Вася, какая миленькая отделка! Может быть, он неладно скроен, зато крепко шит!

Ну уж и сказанула! Это я-то неладно скроен. Да я, если хотите знать... Но мне говорить не положено. Я при исполнении служебных обязанностей. Молчу, как зарезанный.

А тут влезла какая-то девица в брюках шириной с Черное море и давай лопотать:

— И что вы в нем нашли? Плечи заужены, ростовка занижена, полнота завышена. Да мне такой товар и даром не надо!

Ей поддакивает молодой хлыщ с бородкой д'Артаньяна:

— Насколько я в курсе, этот артикул давно снят с производства. Даже смешно, что его еще выбрасывают.

Ах ты сопляк! Ему, видите ли, смешно. У самого молоко на бороде не обсохло, а туда же...

— Это вы серьезно? — сопит какой-то пенсионер в шляпе, которые были в моде до первой мировой войны.— Но ведь это форменное безобразие! Продавец! Есть здесь продавец в конце концов?

— Я вас слушаю,— подбегает девушка в халатике.

— Почему выставляете устаревшие фасоны? — входит в раж шляпа.— Я буду жаловаться!

— Гражданин, не волнуйтесь. Этот фасон согласован с домом моделей и утвержден главком. Теперь снова носят такую внешность.

— Внешность обманчива,— задумчиво говорит яркая дама в парике.— Главное — внутренние качества.

— Наш магазин,— сообщает продавщица,— дает гарантию на год.

— На год? — задумывается яркая дама.— А он не слиняет? Не сядет? Я вот в прошлом году купила нечто подобное, так, представляете, сел.

— Стирать их нельзя,— строго говорит продавщица,— их надо химчистить.

— Там, знаете, воруют,— заявляет яркая.— У меня в позапрошлом году был один — ну совсем новый, с чуть заметным пятнышком. Отдала в химчистку — и поминай как звали.

— Скажите, а гладить их можно? — спрашивает кто-то сбоку. Скашиваю глаза: девушка чрезвычайно приятной наружности.

— Нет-нет,— вспыхивает яркая,— я уже беру. Я раньше подошла. Выпишите мне...

Какой ужас, думаю я. Сейчас меня завернут и...

Странная история, не правда ли?

ЭСКАЛАЦИЯ ЧУВСТВ

Гена Ложкин бежал вверх по эскалатору метро. Он опаздывал в театр. Но тут дорогу ему преградила толстая дама с еще более толстым чемоданом.

Гена сунулся было в узкую щель между дамой и чемоданом и... застрял. Он беспомощно завертел головой, поглядел вверх, вниз, по сторонам и вдруг понял, что погиб.

Причиной его преждевременной гибели было чудо, которое стояло рядом.

— Вы не могли бы сказать,— почти неслышно пролепетал Гена, чувствуя, что пока его бречное тело поднимается вверх, сердце падает куда-то вниз,— вы не могли бы сказать, где тут продаются карточки спортлото?

С таким же успехом он мог спросить, какое расстояние от станции метро «Пушкинская» до галактики «М-87» из созвездия Девы.

Девушка насмешливо взмахнула ресницами и ответила, что в азартные игры не играет.

— Абсолютно с вами солидарен,— проговорил Гена,— мне тоже не везет.

И с ходу, без видимой связи с предыдущим, пригласил девушку в театр.

— Вы пройдете по моему билету, а я куплю с рук,— заявил он по-рыцарски.

Девушка, подумав, согласилась, но с оговоркой, что надо бы позвонить маме. На что Гена сказал, что когда они поднимутся, то обязательно позвонят, и добавил:

— Вы знаете, мне очень неловко: мы с вами знакомы от самого низа, а я не знаю вашего имени. Лично меня зовут Геннадий.

— А меня Таней,— сказала девушка.

— Итак, она звалась Татьяной,— очень к месту продекламировал Гена, обнаружив глубокое знание классики. При этом он накрыл своей большой ладонью нежные пальчики Тани, которые лежали на движущейся резиновой ленте.

Выяснилось, что Таня тоже знает толк в поэзии и любит современных поэтов.

Они содержательно поговорили на литературные темы, после чего Гена, окинув взглядом плывущую вверх и вниз толпу, торжественно и в то же время интимно произнес:

— Вы знаете, Танечка, мне кажется, что я люблю вас.

Таня слегка порозовела, но тут же нашлась и спросила:

— Кажется или любите?

— Люблю,— твердо сказал Гена, глядя ей в глаза.— А что?

— Нет-нет, это я просто так.

И они, облокотившись о поручни, стали строить планы на будущее.

Будущее было лучезарным. Таня переезжает к Геннадию, который живет с папой, мамой и собакой Тишкой.

— Он у нас эрдельтерьер,— улыбнулся Гена.

— Женитьба — это очень серьезный шаг, и тут большое значение имеет свекровь,— рассудительно сказала Таня и почему-то посмотрела на поднимающуюся рядом толстую даму с чемоданом.— Я больше всего боюсь отсутствия коммуникабельности с твоей мамой. Невестки всегда не уживаются со свекровями. Это закон природы.

Толстая дама хмыкнула, видимо, хотела возразить, но Гена ее опередил:

— Ерунда. Моя мама — идеальный человек. Зато мы каждый вечер будем гулять с Тишкой.

— А ты уверен?

— В чем?

— В том, что мы уживемся.

— С кем? С Тишкой? Да он знаешь какой...

— При чем тут Тишка? — холодно сказала Таня.— С твоей мамой. Идеальных людей не бывает. Это закон жизни.

Он взглянул ей в глаза и увидел, что она его не понимает.

А она поняла, что сейчас, когда эскалатор почти дошел до своего апогея, Гена ее уже не так любит, как тогда, когда эскалатор был в перигее.

— Как ты можешь знать все заранее, если еще ничего не совершилось! — воскликнула она.

— А что должно было совершиться?

— Как что! Ты же собирался на мне жениться!

— Собирался?! После всего, что произошло...

— А что произошло?

— Ты оскорбила мою мать! Да знаешь ли ты...

— Не знаю и знать тебя не хочу!

Когда эскалатор поднял их в верхний вестибюль, они уже были чужими.

Любовь завершила свой цикл.

ЗЯТЬ КОРОЛЮ

Похоже на сказку

В некотором царстве, в тридесатом государстве, где еще почему-то сохранилась монархия, предстояла коронация короля.

Коронация была назначена на воскресенье, а в четверг хватились — батюшки светы: короны нет! Куда делась — неизвестно. Может, в металлолом сдали, кто его знает. Закручинились придворные, не говоря уже о самом короле. Такая была короночка, совсем новая, почти не надеванная — и вдруг исчезла.

Церемониймейстер мечется как угорелый, король орет на слуг, скандал хуже некуда!

Бросились гонцы во все концы. В том смысле, что по магазинам.

— Чего-о? — удивляются продавцы. — У нас этого товара с прошлого столетия не завозили. Спросу нет.

— А ожидается? — волнуются гонцы.

— Загляните в конце века. Может, завезут.

— Да вы что — издеваетесь?! Коронация в воскресенье, а вы — в конце века!

— Ничем помочь не можем, — говорят работники торговли. — Наше дело — торговать. Привезут — продаем. Не везут — в носу ковыряем. Вот такие пироги.

И вдруг в самый что ни на есть критический момент во дворец заявляется Змей Горыныч и говорит, что может кое-чем помочь королевскому горю.

— Брось трепаться,— говорит некоронованный пока король.— Мы тут все королевство обшарили, нигде ничего...

— Ваше величество,— говорит Змей,— мне смешно это слышать. Раз я сказал — значит точка. Последний раз спрашиваю: хотите, чтоб я помог или же нет?

— А что за это возьмешь? — спрашивает со страхом король.

— Ничего особенного. Вашу дочку, принцессу Несмеяну. Я уже с ней потолковал, она согласна.

— Что-о-о! — вскричал тут король.— Мою любимую дочь и за Змея?! Да ты знаешь, что я с тобой сделаю!..

— Не хотите как хотите,— тонко улыбнулся Змей Горыныч и собрался уходить.

— Постой,— догнал его король.— Постой, Змеюнчик, я передумал. Я... согласен.

— Это другое дело,— весело сказал Змей.— На вот, держи записочку. Значит, так, пусть твоя служанка сбегает по этому адресочку и вручит записку лично. Понял? Все будет о'кей.

Приходит служанка по указанному адресу, а там обыкновенный и довольно-таки неприглядный магазинчик. Какие-то канцтовары. Топают служанка к завмагу и вручает записку.

Прочитал записку завмаг и расцвел весь.

— Милости просим,— говорит.— Пожалуйста в кладовую.

Привел ок служанку в кладовую, зажег свет — а у той в глазах потемнело. Корон этих навалено — видимо-невидимо. И золотые, и серебряные, и с бриллиантами, и с прочими рубинами-сапфирами.

— Вам,— спрашивает завмаг,— какую желательно — нашу или же импортную?

Выбрали они импортную короночку. Красоты неописуемой.

— Идите,— говорит завмаг,— в кассу, пробейте чек, а я вам заверну. И передайте от меня большущий привет Змею Горынычу, он меня не раз выручал, когда были неприятности. Адью, девушка!

...Что было потом — ни в сказке сказать, ни пером описать. Коронацию совместили со свадьбой. И закатили пир на весь мир. И Несмеяна смеялась от счастья, глядя на корону, а также на Змея. И особый тост провозгласили за знакомого завмага.

Ну скажите, что бы мы делали без него?

ОЛЯ ДАЕТ ПОКАЗАНИЯ

Оле шесть лет. Она сидит на табуретке в кухне и с любопытством наблюдает, как дядя милиционер что-то старательно пишет. У милиционера на погоне одна звездочка. Оля показывает пальчиком

на звездочку и спрашивает сидящую рядом воспитательницу Марию Петровну:

— Это генерал?

— Оля, — укоризненно говорит Мария Петровна, — как тебе не стыдно!

Оля краснеет, запускает палец в нос, но потом сползает с табуретки и шепчет Марии Петровне на ухо:

— А я знаю, это полковник.

— Оля, ты можешь сидеть спокойно?! — вскипает Мария Петровна.

Оля снова взгромождается на табуретку и затихает. Но тут кошка, проскользнувшая в кухню, отвлекает ее внимание.

— Киса, — говорит она, — киса, иди сюда.

Кошка пружинисто трется об Олины сандалии, выгибает спину, трубой поднимает хвост.

— Оля, перестань, наконец! — нервничает воспитательница. — Неужели нельзя посидеть спокойно?

Но вот милиционер заканчивает свою писанину, взглядывает на Олю.

— Девочка, — говорит он, — что ты можешь показать по данному делу?

Милиционер очень молод и курнос. В присутствии воспитательницы он старается держаться солидно, всячески напускает на себя важность и официальность.

Оля молчит. Она не понимает вопроса. Милиционер умоляюще смотрит на Марию Петровну. Та берет на себя роль переводчицы.

— Оленька, — неожиданно ласково говорит она, — ты что-нибудь замечала за дядей Колей?

— Ага, — кивает Оля.

— Что? Он ругался с мамой?

— Ага, — соглашается Оля.

— Сильно ругался?

— Ага. Сильно. Ксс-ксс, — это уже кошке.

— Скажи, девочка, гражданин Егоров употребляет спиртные напитки? — осведомляется милиционер.

— Чего? — не понимает Оля.

— Дядя Коля пьет водку? — переводит Мария Петровна.

— Ага, пьет. Целую бутылку.

— Ты сама видела?

— Ага, — подтверждает Оля. — Дядя, а вы полковник, да?

Милиционер не отвечает. Он пишет в протоколе опроса:

«По существу дела могу показать следующее. По вышеуказанному адресу я проживаю с мамой и папой и соседом по квартире Егоровым Н. П. За последнее время наш сосед по квартире Егоров Н. П. стал часто употреблять спиртные напитки, и на этой почве между мамой

и гр. Егоровым Н. П. стали возникать ссоры, во время которых...»

— Девочка,— уточняет милиционер,— гражданин Егоров оскорблял твою маму?

— Чего?

— Не чевокай! — сердится Мария Петровна. — Сколько раз я учила тебя в садике не чевокать! Ты скажи, гражд... дядя Коля обзывал твою маму нехорошими словами?

— Ага, обзывал. Он говорил «паразитка». А мама говорила «свинья ты вонючая»...

Фу, Оленька, разве можно говорить такие слова? Разве тебя в садике учат таким словам?

— Да, а почему он кухню не убирает! Мама всегда-всегда убирает, а он нет. Это просто свинство.

— Ясно,— констатирует милиционер и продолжает протокол: «...во время которых мама и гр. Егоров Н. П. взаимно оскорбляли друг друга. Основной причиной неприязненных отношений является то, что гр. Егоров Н. П. не делает уборку на кухне».

Закончив фразу, милиционер изучает показания Олиной мамы и задает вопрос:

— Скажи, девочка, а гражданин Егоров приводил в свою комнату женщин?

Милиционер, взглядывая на Марию Петровну, слегка краснеет. Краснеет и Мария Петровна. Она не повторяет вопроса, ждет, что скажет Оля.

Оле скучно. Она откровенно зевает, смотрит в окно, томится.

— Ну,— наступает милиционер.— Приводил?

— Ага.

— И что? — настораживается милиционер.

— Они раздевались.

Милиционер краснеет еще пуще. Мария Петровна вынимает платочек и сморкается, пряча лицо.

— Откуда ты знаешь? — уточняет милиционер.

— А они тушили свет.

— Ты сама видела? — ведет допрос милиционер.

— Ага, я смотрела в щелочку.

Мария Петровна с платочком издает какой-то крякающий звук.

— А зачем ты смотрела в щелочку? — спрашивает Мария Петровна исключительно из любопытства.

— Мама велела.

Милиционер фиксирует в протоколе:

«Однажды гр. Егоров Н. П. привел в свою комнату женщину и потушил свет. Я в это время находилась в коридоре и видела все в замочную скважину. Из этого факта можно сделать вывод, что гр. Егоров Н. П. ведет аморальный образ жизни».

— Оля,— говорит милиционер,— теперь слушай, я прочитаю твои показания, а ты подпишешь.

Он неторопливо читает протокол, делая паузы после каждой фразы.

— Понятно? — спрашивает милиционер, закончив чтение.

— Ага. Дядя, а это что у вас? — Оля показывает пальчиком на фуражку, к которой прикреплена кокарда.— Это такой значок, да?

— Вот возьми ручку и распишись,— строго говорит милиционер.— Нет, не здесь, а внизу. Вот тут.

Эта работа Оле нравится. Высунув от напряжения язык, она медленно рисует большие буквы: «ОЛЯ».

— И фамилию,— напоминает милиционер.

— Фамилию я не умею,— смущается Оля.

— Ну ладно,— делает уступку милиционер.— Теперь вы заверьте показания,— говорит он Марии Петровне и вписывает фразу: «Опрос производился в присутствии воспитательницы детского сада Соловьевой М. П.»

Мария Петровна с чувством хорошо исполненного долга расписывается.

Примечание автора. В этом фельетоне процитирован подлинный протокол, случайно попавший в руки автора. Из соображений педагогического такта фамилии изменены.

ПРЕМИЯ И МИКРОКЛИМАТ

Приказом директора Галина Михайловна Шахова была премирована. Как говорилось в приказе, «за непосредственное участие в разработке и внедрении нового ГОСТа».

Не будем скромничать, премия — это приятно. И чем она больше, тем сильнее вдохновляет. Вот почему, увидев цифру «710 рублей», Галина Михайловна поспешила в бухгалтерию, на ходу решая, что купить сегодня, а что отложить на завтра.

Однако в бухгалтерии Шахову встретили холодновато.

— Выдавать не будем,— заявили ей,— начальство не велело.

— Как! — растерялась премированная.— А приказ?

— Мало ли что приказ,— ухмыльнулась бухгалтерия.— То бумажка, а то устное указание.

Шахова до сих пор не знала, что устное указание котируется выше письменного, и, естественно, несколько удивилась. Она удивилась и попыталась выяснить, в чем дело.

— Значит, вы считаете, что я недостойна этой премии? — спросила она напрямик.— Зачем же тогда издавали приказ?

— Нет, почему же, — равнодушно пожало плечами начальство. — Но только мы должны сперва определить степень вашего участия в разработке этого самого ГОСТа.

Такое заявление показалось премированной немного странным. — Насколько я понимаю, — сказала она, — степень моего участия следовало определять по крайней мере до издания приказа, а не после.

— А вы нам не указывайте, что когда определять! — рассердилось начальство. — Это, извините, наша компетенция, а не ваша.

Назревал конфликт. А пока он зреет, хочется высказать одно интересное соображение насчет материального стимулирования.

Как уже было замечено, премия — это приятно. Она стимулирует. Но, спрашивается, кого?

Проведите социологический опрос, и вы увидите, что премия стимулирует главным образом премируемых. Я, например, знал человека, у которого премия (если ее давали другим) вызывала острую зубную боль. Бедняга страшно мучился, не мог ни работать, ни есть, ни спать. Неудивительно, что его премировали чаще всех — исключительно из гуманных соображений.

Так вот, сумма премии, предназначенной Шаховой, вызвала в институте легкое брожение умов. Ну, сто, ну, двести рублей, это еще куда ни шло, но чтобы аж семьсот!..

Руководство института запрашивает свой Одесский филиал: а правда ли, что Г. М. Шахова принимала «непосредственное участие»? Может, оно не такое уж непосредственное? Может, это вообще не участие, а так, «активное содействие»?

— Точно. Участие, — ответил филиал, проводивший эту работу. — И притом самое непосредственное.

— Нет, вы все же подумайте, — настаивала Москва. — А вдруг?

— Все правильно, — снова протелеграфировала принципиальная Одесса. — Шахова заслужила эту премию в такой же степени, как и мы. Поскольку внедрение ГОСТа дало государству сотни тысяч рублей экономии.

Вот ведь какая неговорчивая эта Одесса! Никак не может понять, что давать в одни руки такую сумму, в то время как никто из дирекции не получил ни копейки, по меньшей мере обидно.

А впрочем, что нам Одесса! Почему мы должны считаться с мнением филиала, когда голова — мы!

И тогда подготавливается второй приказ, отменяющий первый.

Во втором приказе список премируемых несколько расширен. Сюда не вошли, правда, руководители института, теперь это не совсем удобно. Зато добавлены товарищи из технического отдела, которые ни малейшего отношения к разработке нового ГОСТа не имели. При этом внопах в список включили даже одного инженера, которого уже не было в живых.

Чтобы обосновать этот новый приказ, дирекция института даже

решилась на маленький, совсем ерундовый подлог: в одном документе было допечатано несколько строк, в которых говорилось, что технический отдел тоже, как говорится, «пахал».

Ну что ж, для благородной цели все средства хороши. А цель была святая: уменьшить сумму премии, выдаваемой Шаховой. Уж больно кололи глаза эти семьсот десять целковых. Отбивали всякую охоту жить и работать. Теперь Г. М. Шаховой причиталось только 440 рублей.

Но тут в институте случилось небольшое событие. Директор Юрий Васильевич Попов, не успев подписать приказ, заболел. Исполнять его обязанности стал главный инженер Геннадий Алексеевич Давыдов, человек решительный и твердый.

— Да кто она такая, эта Шахова? — воскликнул и. о. — Всего-навсего начальник отдела стандартизации. Да мы ее в бараний рог согнем, пусть только пикнет!

А поскольку оскорбленная всей этой возней Галина Михайловна не успокаивалась, было найдено отличное средство согнуть ее в бараний рог.

Сотрудники отдела стандартизации вызывались поодиночке и допрашивались с пристрастием:

— Скажите, что за человек эта ваша начальница? Как вы считаете, правильно она руководит? Может, у вас есть к ней какие-нибудь претензии, так вы говорите. Говорите, не стесняйтесь. Тут уже поднакопились жалобы...

Склока заваривалась, так сказать, сверху. Нашлись недовольные. Возникли претензии. Густым черным дегтем мазалось все, что делала и делает Шахова. По институту ходили слухи:

— Слыхали?.. А ведь с виду ни за что не скажешь. В тихом-то омуте, а?..

Когда склока достигла кульминации, был издан новый приказ. Он был издан спустя три месяца после первого и, разумеется, отменял все, что было раньше. В приказе, подписанном и. о. директора Г. А. Давыдовым, Шахова награждалась уже не за «непосредственное участие», а всего лишь за «активное содействие». Соответственно этому сумма премии сократилась до ста рублей. Остальные деньги, отпущенные министерством для премирования сотрудников, «в связи с отсутствием в институте основных исполнителей» распределению не подлежали.

Вот теперь дело другое. Сто — это не семьсот. Сто — это по-божески. Можно даже примириться с тем, что «остальная сумма» не досталась никому.

После издания приказа выздоровевший директор вызвал Галину Михайловну.

— Ну, товарищ Шахова, как вам работается?

— Плохо, Юрий Васильевич...

— Вот и я говорю, плохо вы работаете. Жалуются на вас. Народ недоволен.

Не сработались вы с коллективом, товарищ Шахова. Да-а, не сработались. Так дальше продолжаться не может.

— Что же прикажете делать, Юрий Васильевич?

— Зачем приказывать? Я просто хочу дать вам дельный совет. Пишите заявление об увольнении по собственному желанию. Самое правильное решение. Кстати, мы тут на ваше место уже подобрали человека.

...Моя беседа с директором института Ю. В. Поповым как-то не сложилась. Директор больше нажимал на огромные задачи, стоящие перед коллективом, и на то, что коллектив с честью справляется с возложенными на него обязанностями. А я все пытался выяснить подоплеку истории с премией.

— Да,— говорит директор,— история неприятная. Но она нетипична для нашего коллектива, который...

— Возможно,— соглашался я.— Типизировать этот случай нельзя. Очень уж он уникален. Три приказа об одной премии! Поставьте себя на место премируемого... Такое премирование не столько вдохновляет, сколько отбивает охоту работать.

— А за что ее премировать, если она не справляется с работой? — возмущается директор.— Когда весь коллектив трудится...

— Простите,— перебиваю я,— но, насколько мне известно, Шахова работает в институте пять лет. И все пять лет она не справляется?

— Конечно!

— И, несмотря на это, совсем недавно по вашему представлению она получила медаль ВДНХ? А три года назад после длительного исполнения обязанностей начальника отдела вы утвердили ее в этой должности?

— Видите ли,— говорит директор,— мы выяснили, что микроклимат в ее отделе... как бы сказать... не очень... А микроклимат — это чрезвычайно важно. Он должен способствовать работе.

И тут Юрий Васильевич был абсолютно прав. Хороший микроклимат — вещь в высшей степени необходимая.

ЗАМОК С СЕКРЕТОМ

Звонок разорвал ночную тишину.

— Дежурный по линейному отделению милиции слушает!

— Товарищ дежурный,— возбужденно проговорила трубка.— Говорят со станции Свердловск-товарный. Прибыл вагон с сорванной пломбой. В вагоне крупная недостача!

— С чем вагон?

— С запчастями автомашин. Пришлите представителя.

— ...Алло, милиция? Вскрыт вагон с телевизорами. Срочно выезжайте!

— ...Говорят со станции Звезда. Задержаны трое подростков. Грабили товарные вагоны...

Однако хватит милицейской хроники. Посвятим читателя в суть проблемы.

Когда-то было иначе. Железнодорожный вор забирался в классный вагон и умыкал вещички у зазевавшегося пассажира. Если ограбленный поднимал шум, вора спасало профессиональное умение прыгать на ходу поезда.

С тех давних пор ряды воров-профессионалов заметно поредели. Красть стали дилетанты. Эти бестии рассудили, что похищение чемоданов с личным барахлишком не окупается: риску много, а добычи — на грош. К тому же и прыгучесть не отработана. Взоры любителей-похитителей обратились на тихие полустанки, разъезды и остановочные пункты, где днями и неделями без призора стоит товарняк.

Дилетанты открывали вагоны и тащили все, что плохо лежит: запчасти для комбайнов и мешки с кукурузной мукой, астраханские арбузы и детские горшочки, свиную тушенку и телевизоры с цветным изображением. Из цистерн вычерпывали вино «Портвейн-777» и тут же у насыпи дегустировали.

Забили тревогу грузоотправители и грузополучатели — они терпели убытки. Заволновалось Министерство путей сообщения — оно платило штрафы за исчезнувшие грузы. Забеспокоилась транспортная милиция — работы прибавилось, у каждого вагона милиционера не поставишь, а станций и полустанков тыща.

В этой обстановке нервозности и озабоченности прозвучал чистый голос разума:

— А почему бы нам, собственно, не повесить такой замок, чтоб ни один вор не смог открыть? Какой-нибудь этакий замочек с секретом?

Это была замечательная мысль. Со времени изобретения античным умельцем Глауконом первого в мире замка как раз в субботу минуло три тысячи лет. За этот период человечество напридумывало щеколды, амбарные замки и самозапирающиеся камеры хранения ручного багажа. И только в области вагонных запоров зияла недопустимая брешь. Но, спрашивается, почему свой собственный чемоданчик мы держим на замке, а государственный вагон — на честном слове?

Делу был немедленно дан ход, и оно было поставлено на солидную научную основу: новые запорные устройства для вагонов, а также винных цистерн поручили разработать одному из научно-исследовательских институтов.

Кузнец Глаукон работал в одиночку. Если не считать мальчика, раздувавшего горн.

Современные специалисты по замкам не столь легкомысленны.

В Москве (где находится институт) и в Свердловске (где размещается его отделение) были созданы особые группы по обеспечению сохранности грузов. В связи с чем в штат ввели дополнительные должности научных сотрудников, обеспечив их соответствующими окладами. Эпоха НТР требовала коллективизации, стимуляции и организации.

Организация была четкой: старшие и младшие научные сотрудники аккуратно ходили на службу, в обеденный перерыв бегали в столовую, а к концу рабочего дня спешили домой. Дважды в месяц они подходили к кассе за получкой, а один раз в год уезжали в отпуск к теплому морю. Все эти виды движения создавали хороший рабочий ритм.

В хорошем ритме прошло три года. По свидетельству сослуживцев, руководитель темы успел за это время создать любопытный труд о значении запорных устройств на транспорте. И очень разумно: диссертательность материала не вызывала сомнений, а значение указанных устройств росло не по дням, а по часам, ибо воры все это время тоже не дремали.

Что же касается конкретно запоров, то и тут был полный ажур: поступающие предложения регистрировались, изучались и затем обоснованно отвергались.

И вдруг раздался возглас:

— Эврика!

Один из инженеров придумал устройство для вагонов. Именно такое — с секретом. И как ни странно, в одиночку.

Уязвленные в самое сердце ученые мужи поднатужились и на этот раз коллективно создали электронное устройство для запираания люков винных цистерн.

Брезжили перемены. Эпоха железнодорожных краж, наносящих крупный ущерб государству, дышала на ладан. Пьянчуги допивали последние литры дармового вина.

А дальше все развивалось в бешеном темпе.

Чертежи замков срочно передали на Свердловский опытный завод. Завод спешно изготовил опытные образцы.

Опытные образцы в экстренном порядке одобрило Министерство путей сообщения.

Потом устройство для запираания цистерн демонстрировалось во Всесоюзном научно-исследовательском институте виноделия и виноградарства «Магарач» (по заказу которого было сделано).

«Магарач» поглядел на чудо техники и скорчил кислую мину.

— Вообще-то,— сказал «Магарач»,— я, конечно, заплачу за эту работу обещанные пять тысяч. Но, честно говоря, эта штука мне не годится. Громоздкая она и неудобная.

После чего опытный образец устройства для запираания люков цистерн пополнил собой коллекцию сувениров ВНИИ «Магарач».

А замок для вагонов решили испытывать.

Пять вагонов, снабженных новыми запорными устройствами, готовились в дальний рейс. На коротких рейсах они показали себя с самой лучшей стороны. Ни один вор не пробрался в эти вагоны. Но вот вопрос: что будет, если отправить их на другую железную дорогу? В край непуганых воров.

Вложив в замки особые пломбы и записав номера вагонов, вес груза и прочие железнодорожные реквизиты, научные сотрудники вместе с представителями управления Свердловской дороги воскликнули: — Ну, как говорится, с богом!

И вагоны покатили.

Но тут случился конфуз.

Конфуз случился не сразу, а через некоторое время, когда вагоны докатились до одной маленькой станции, где их должны были разгрузить.

На этой станции понятия не имели об экспериментах с запорными устройствами. То ли станционных работников забыли известить, то ли ученые мужи решили проверить: а смогут ли тамошние железнодорожники самостоятельно раскрыть секрет замка?

Сначала железнодорожники попробовали открыть вагоны старым способом. Не вышло. Может, замок заело?

Нажали. Запоры не поддавались.

Их били кувалдой, ковыряли, царапали, кусали. Запоры стояли насмерть. Их, по всей вероятности, мог открыть лишь знаменитый на весь мир специалист по вскрытию сейфов Гарри Гудини, но он к тому времени умер.

И тогда запоры срезали автогенем. Ведь разгружать вагоны в конце концов надо!

Обратно на станцию Свердловск-товарный вагоны не вернулись. Они исчезли навсегда.

Однако это уже никого не интересовало. Отчет об эксплуатационных испытаниях был написан, вложен в красивую папку и сдан в архив. Руководитель темы перешел в другой отдел. А сама тема о запорных устройствах была закрыта.

Она закрыта, и ее никто не может открыть. Вероятно, это смог бы сделать Гарри Гудини, но его уже нет на свете.

Зато железнодорожным ворам больше никто не мешает открывать товарные вагоны и обкрадывать государство.

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА ПЛАНЕТАХ?

Стенограмма публичной лекции

— Товарищи, тема сегодняшней лекции — «Есть ли жизнь на других планетах?». Но прежде чем начать изложение материала, разрешите мне задать вам несколько вопросов.

Присутствующие в зале женщины, поднимите руки. Так... Минуточку... Раз, два, три, четыре, пять... А вот вы, в седьмом ряду, почему не подняли? Да-да, я к вам обращаюсь. Ах, прошу прощения, молодой человек!.. Гм... Шесть, семь, восемь. Шестидесят четыре. Очень хорошо, так и запишем... Теперь мужчины. Поднимайте, поднимайте! Смелее. А вы? Ах, вы уже поднимали за женщин... Та-ак. Тридцать восемь. Запишем.

Ну-с, теперь будем детализировать. Прошу внимания. Сначала поднимите руки те, которым до тридцати лет. Да-да, включительно... Слушайте, я сказал ДО тридцати, неужели непонятно? Теперь поднимите руки те, которым от тридцати одного до сорока пяти. Можете опустить. Теперь — от сорока шести до шестидесяти. Теперь — старше шестидесяти. Молодой человек, толкните дедушку, он, наверное, спит. Пусть поднимет, а то у меня баланс не сойдется!

Ну вот. Все хорошо. Теперь поднимите руки рабочие. Что? Вы оформлены рабочим, а на самом деле агент по снабжению? М-да. Ладно, запишем рабочим, как в трудовой книжке. Теперь служащие. Опустите. Теперь ИТР. Прекрасно. А земледельцы среди вас есть? Как это какие! Обыкновенные, которые на земле... Ах, вы свиновод! Гм... Знаете, у меня такой графы нет. Запишу вас в земледельцы, идет? Вам все равно, а мне надо. Теперь ручки вверх учащиеся. Да-да, и школьники, и студенты, и аспиранты. Как быть заочникам? По месту работы. А теперь пенсионеры... Все. Как не все? А кто вы такой? Я вас не фамилию спрашиваю, а должность. Художник? Значит, служащий. Ах, вы не служите? А что же вы делаете? Дома сидите. Давайте запишем вас в пенсионеры. Не хотите? Ну тогда в земледельцы. Ах, да не морочьте мне голову!..

Думаете, мне легко? Думаете, отчитал лекцию, получил свой гонорар и пошел? Как бы не так! Пока я эти сведения не соберу, мне путевку не оплатят, понятно?.. Я с вами, граждане, целиком и полностью согласен, это не мое дело. Эти сведения должен на путевке проставить культорг, который лекцию заказывал. А ему недосуг. У него много других дел. Вот и сейчас он куда-то смылся... Над ним не каплет, а я денежки не получаю...

У вас вопрос? Какой вопрос? Ах, насчет жизни на других планетах. Минуточку... Э-э, дорогие товарищи, время-то истекло. О жизни на других планетах расскажу как-нибудь потом. Могу только сообщить, что с тех пор, как в нашей организации общества «Знание» ввели социологическое анкетирование, никакой жизни нам, лекторам,

не стало. Хотя, если разобраться, социология — вещь нужная. Конечно, можно заимствовать необходимые сведения, так сказать, с других планет... Что некоторые делают...

Благодарю, товарищи, за внимание.

КАКАДУ В ПОРТФЕЛЕ

Представьте себе ночь в зоопарке.

Спит царь зверей лев. Спят медведи и слоны. Спят удавы и бегемоты, а также мартишки и лягушки. Попугаи тоже сладко посапывают во сне. Дрыхнут без задних ног аллигаторы. Похрапывают верблюды. Почивают вахтеры.

И вдруг из попугайника раздается дикий вопль:

— Дур-р-рак!

Вскакивает на ноги медведь. Лев поднимает ужасный рев. Паника. Тревога. Милиция. В попугайнике обнаруживают вора. Погоня. Свистки. Похитителя настигают и...

Ничего такого не было. Была тусклая весенняя ночь. Злоумышленник пробрался в попугайник, взломал ломиком клетку и посадил желтохохлого какаду в портфель. Но тут его бесшумно накрыли. Накрыли случайно и совсем не те, кто охранял. Просто один из сотрудников зоопарка остался ночевать на своем рабочем месте, услышал шорох и вызвал милицию.

Никто не ревел, не рычал, не вопил, вор был пойман на месте преступления с поличным и даже не пытался бежать.

Словом, детективная сторона данного сюжета малоинтересна и не увлекательна. Интересна другая сторона, вернее, третья. Третья сторона в процессе о похищении попугаев из зоопарка.

Но сначала о похитителе. Кто он такой?

Похитителем был подросток, семнадцатилетний Слава Л., работавший в зоопарке кучером круга катания. Днем он катал ребятишек, а по ночам шарил по клеткам. Я говорю «шарил», потому что за две недели до похищения какаду он весьма успешно и без паники унес трех других попугаев.

Подростка спросили: не собирается ли он открыть дома филиал зоопарковского попугайника?

Нет. Не собирается. Он похищал попугаев для продажи.

Кому же, если не секрет?

Известно кому — коллекционерам. Любителям живой природы. У него, например, есть знакомые, которые...

Но прежде чем продолжить увлекательный разговор с похитителем попугаев, давайте побеседуем с членом кружка юных биологов Костей,

которому только пятнадцать, но он не менее страстно интересуется животными.

Впрочем, страсть и интерес к животным у Кости имеет одну особенность. Пока другие юные натуралисты постигали тайны животного мира, он овладевал тайнами коммерции.

— Прошлой весной,— рассказал Костя следователю,— я по просьбе одного знакомого взял с территории без разрешения амурского полоза.

— И что же ты с ним сделал?

— Продал его за десятку.

— А потом?

— А потом я без разрешения взял из клетки жабу «ага» и тоже продал ее.

С детской непосредственностью юный любитель природы и коммерции рассказывает, как брал «без разрешения» прочую живность — мышей, черепах, лягушек — и загонял коллекционерам...

Однако вернемся к его конкуренту по торговле живым товаром Славе Л. Однажды после очередного катания на круге к нему подошел мужчина и сказал, что вот купил, понимаешь, попугая, а как с ним обращаться — понятия не имеет.

Кучер снисходительно улыбнулся и сказал, поигрывая кнутом: — Вам, дядя, крупно повезло. Я как раз научный сотрудник по данному вопросу. Попугаевед.

Так «попугаевед» Слава познакомился с шофером мебельной фабрики № 1 Владимиром Яковлевым, а затем и с его женой Людмилой, инженером одного из научных институтов.

Супруги Яковлевы оказались необычайными попугаелюбями и страстными собирателями. А когда новый знакомый объявил им, что сможет доставать попугаев, которых привозит из-за границы один дяденька, супруги так обрадовались, что забыли спросить, кто он такой, этот заграничный дяденька, в каких краях ловит экзотических птичек, а также почему и с какой целью передает их подростку.

При очередном свидании Слава сказал, что принесет попугаев после двенадцати ночи. При этом он загадочно улыбнулся, и супруги Яковлевы решили, что везти попугаев по улицам можно лишь ночью. Может, у этих странных птиц такие биоритмы? Может, после полуночи они лучше понимают русский язык?

В ту ночь специалист по попугаям, стараясь не разбудить других обитателей квартиры Яковлевых, доставил им трех какаду: желтохохлого, розового и филиппинского. Три попугая стоили по государственной цене тысячу семьсот тринадцать рублей. В том числе желтохохлый семейот пятьдесят.

Но научный сотрудник Слава этого не знал и запросил за желтохохлого только двести. Про двух других он не сказал ничего.

Правда, по дороге домой юный коммерсант решил, что продешевил, и, вернувшись, потребовал еще три десятки.

Закончилась эта попугайная история в суде, где похититель получил в соответствии со своими заслугами, а на место работы попугаелюбов было направлено частное определение.

Так что данное конкретное дело можно считать решенным. Но хочется обобщить. Хочется поговорить на затронутую тему.

Конечно же, приятно и радостно слышать, что вб́круг растут ряды коллекционеров, в частности любителей птиц, зверей и прочей биосферы. Как был бы счастлив знаменитый зоолог Альфред Эдмунд Брем, узнай он, что его «Иллюстрированная жизнь животных» идет нарасхват по подписке и даже у букинистов начисто исчезла.

Широкие массы любителей окружающей среды уже не довольствуются сиа́мскими кошечками и декоративными пуделями, они заводят гремучих змей, львов и крокодилов. Они жаждут иметь личную макаку, а также говорящего попугая какаду. Они с восторгом привели бы в дом жирафу, но жирафа не лезет в современный интерьер. Слишком длинная у нее шея.

Все это, безусловно, вдохновляет. Вот и психологи говорят, что человек, который не любит животных, плохо относится к себе подобным. Он относится к ним по-хамски и не считает за людей.

Поэтому все мы заинтересованы в том, чтобы гуманизировать человечество. Единственно, в чем мы не заинтересованы, — это чтобы гуманизация происходила за счет государственной собственности.

Между тем есть отдельные граждане, которым наплевать. Они готовы наращивать свои личные качества путем скупки краденого имущества.

Не так давно злоумышленники обокрали одну местную библиотеку. Они вытащили оттуда самые ценные книги — тома Библиотеки Всемирной литературы и собрания сочинений различных классиков. Общая ценность культурного багажа в переводе на деньги составила изрядную сумму.

Сами воры, как выяснилось, книг никогда не читали, духовная пища интересовала их исключительно с точки зрения материального эквивалента.

На следующий после похищения день мазурики появились в хирургическом корпусе городской клинической больницы и разложили на скамеечке свой товар. Поскольку товар имел высокую культурную и нравственную ценность, он вызвал огромный ажиотаж среди публики, которая пришла сюда, чтобы проведать больных.

Публика расхватала книги с космической скоростью. Она не только не обращала внимания на последнюю страницу переплета, где была проставлена цена, но и на первую страницу, где имелся библиотечный знак.

Когда милиция все же нашла кое-кого из покупателей и спросила

их, почему они покупали книги не в магазине, а в больнице, они страшно удивились:

— А какая, собственно, разница? И с каких пор собирательство преследуется законом? Да, мы коллекционируем книги и гордимся этим!

— Но вы же видели, что книги библиотечные!

— Видите ли, нас не интересовало происхождение этих книг. Нам их продавали, а мы покупали. Неужели мы стали бы ждать, пока их купят другие?! Первая заповедь коллекционера: бери — а уж потом разбирайся, что к чему...

Ах, эта благородная страсть коллекционера! Ах, этот высокий и прекрасный энтузиазм собирателя! Как не приветствовать, не поощрять, не культивировать его!

Но порой страсть коллекционера теряет свои благородные очертания, и тогда из темных глубин собирательской души вылезает хищный зверь жадности и корыстолюбия, вылезает, чтобы сожрать все, что было в этой душе высокого, гуманного и доброго.

Так неужели же для того, чтобы загнать зверя в клетку, требуется вмешательство милиции?

БУМЕРАНГ

Капризная жизнь ставит перед нами разнообразные вопросы. Ну, например, такой:

— Как избавиться от критики снизу?

Поколения администраторов выработали немало способов борьбы с критикой. Каноническими надо признать три.

Способ первый: «Тяжелый кулак». Критикуемый вызывает критикующего к себе в кабинет и, грохнув кулаком по столу, рывкает:

— Тебе что, жизнь надоела? Башку оторву, понял!

Способ второй: «Пробка от шампанского». Критикуемый пишет в вышестоящую инстанцию: «В целях экономии фонда зарплаты прошу сократить должность экономиста». Инстанция дает добро, и критикующий вылетает, как пробка из бутылки шампанского.

Способ третий: «Кот и мышь». Критикуемый вызывает кадровика и говорит ему:

— Не нравится мне что-то этот Сидоров. Работает шалая-валяя, опаздывает, задания не выполняет. Почему мы должны ему это прощать?

После чего организуется охота кота за мышью... Малейшая оплошка — выговор. Три оплошки — и мышь в лапах у кота...

Но творческая мысль не дремлет, и вот уже рождается новый способ. Он рождается в горном селении Гурджи.

...У завхоза совхоза Атара Атарова возникли вопросы. Вопросы касались кипучей деятельности Сабурова на посту директора совхоза.

— Почему,— недоумевал Атаров,— за сравнительно недолгий срок своего директорствования Сабуров уволил двенадцать работников совхоза, из которых десять были тут же восстановлены судом?

— Почему,— удивлялся Атаров,— директор раздавал совхозные корма родственникам и друзьям, а потом отправлял тяжелые грузовики на поиски соломы в Муганскую степь, в результате чего совхозу пришлось уплатить две с половиной тысячи рублей штрафа за порожний пробег машин?

— Почему,— не мог понять Атаров,— зерно нового урожая директор приказал засыпать не в закрома, а в коровник, где фуражиром служит родной дядя директора Хамидов, ночным сторожем его, Хамидова, жена, а завкормоцехом — их сын, школьник?

— Почему,— вопрошал Атаров,— совхоз под руководством Сабурова провалил план заготовки кормов, собрал низкий урожай зерновых, а из-за разбазаривания леса и шифера остались недостроенными центральный склад, клуб и водопровод?

Этими и некоторыми другими «почему?» Атаров поделился с пилорамщиком Чубаровым. Да он и не делает из них тайны. Вопросы становятся достоянием гласности, они выходят за рамки совхоза, за пределы района, за границы АССР. Вопросы, оставшись без ответа, добираются до Москвы, и это ужасно.

Это ужасно, потому что председатель райисполкома Н. А. Агеев до крайности болеет за свой район и хочет видеть его стерильно незапятнанным и благополучным, а тут получается какая-то ерунда и глупость, и все из-за этого Атарова, который все пишет и пишет и задает свои дурацкие вопросы.

Шлет запросы Москва, и теперь приходится отвечать. А что, спрашивается, отвечать? Что Сабуров злоупотребляет? Так ведь сами же недавно рекомендовали и назначали. Что все в письмах Атарова неправда? Так ведь могут приехать и проверить, и тогда, не дай бог, появится фельетон, будет скандал, позор на весь район.

Но есть, есть умные люди в горах. И вот сочиняется прекрасный текст о том, что «изложенные в письме отдельные сигналы подтвердились и по ним проводится глубокая ревизия финансово-хозяйственной деятельности совхоза. Результаты ревизии будут обсуждены и приняты соответствующие меры».

Такой текст может успокоить кого угодно. «Отдельные сигналы», стало быть, кое-что, самая малость, и снимать Сабурова нет необходимости. «Глубокая ревизия» — это звучит солидно, и никто не станет проверять, чем эта ревизия закончится.

На время все успокаивается, но Атаров — вот бестия! — не желает прекращать писанину.

Вот тогда-то и изобретается новый способ.

Неожиданно дядя директора совхоза Хамидов (тот, который фуражиром в новом коровнике) вспоминает, что в прошлом году Атаров развозил по домам газовые плиты с баллонами. Каждая плита стоила 127 рублей, а Хамидов вроде бы дал 130 и не получил сдачи. Об этом же вспомнили еще четверо односельчан.

Позвольте, да ведь это грабеж среди бела дня! Оскорбленные в своих лучших чувствах, пятеро жителей селения бегут в милицию и подают заявление: Атаров продавал плиты по завышенной цене.

«Гм,— думает директор Сабуров,— получается все-таки жидковато».

И тут счастливая память подкидывает ему еще один убийственный факт. Однажды осенью Атарова послали за соломой в соседний совхоз. Но соломы он не привез, объяснил, что в том совхозе самим не хватает. Зато для собственной коровы солому достал. Ну скажите, разве это не преступление?

Теперь пущенный Атаровым бумеранг вернулся к автору. Его уже можно сажать. Он преступник, заслуживающий самого сурового наказания.

Но председатель райисполкома не жаждет крови. Зачем такие крайности? Председатель вызывает Атарова в кабинет и в присутствии судьи и прокурора говорит ему мягко:

— Слушай, Атаров, ты же умный человек, зачем тебе вся эта шумиха? Ты хочешь, чтобы мы прекратили твое уголовное дело? Ну вот, я так и знал. Тогда садись и пиши: «Председателю райисполкома от жителя селения Гурджи Атарова А. С.» Написал? Теперь пиши дальше: «Объяснение. Пишу настоящее объяснение о том, что отныне я никаких необоснованных жалоб и заявлений в вышестоящие органы вне района не буду писать без соответствующего согласия районных органов. В чем я и подписываюсь. К сему Атаров».

Прошу встать, читатель. Новый способ борьбы с критикой родился. Я назвал бы его емким словом «бумеранг».

ПОД ЭТИМ ДЕЛОМ

В этот день:

— по льду Байкала со станции Таловка ушел на БАМ автопоезд с грузами для стройки;

— Алт́айский музей изобразительного искусства приобрел считавшуюся утраченной картину Саврасова «Могила на Волге»;

— сотрудники лаборатории ядерных реакций в Дубне в очередной раз синтезировали открытый недавно сто шестой элемент таблицы Менделеева;

— в Большом театре состоялась премьера оперы «Зори здесь тихие»;

— после работы Михаил Живаев зашел к Валентину Метлову.

Автор понимает: последний факт не может стоять в ряду перечисленных выше событий. Вернее, не должен стоять ввиду своей малозначительности.

И тем не менее он вошел в анналы истории. Он был зафиксирован официально, и историк будущего, возможно, задумается над ним, пытаясь разгадать скрытую в нем тайну. А может, наука к тому времени достигнет таких высот, что человеческая психология перестанет быть загадкой и пословица «чужая душа — потемки» будет сдана в архив как безнадежно устаревшая.

Пока же все неясно. Пока совершенно непонятно, почему одна душа тянется к наукам, к искусству, жаждет социальной активности, а другая... другая тоже жаждет, но в некотором роде совсем иного...

Итак, Михаил Живаев, 1955 года рождения, холост, несудим, образование среднее, по специальности повар, зашел к Валентину Метлову, рабочему склада АХО райпищеторга. Как выяснилось, зашел Живаев не для того, чтобы поговорить о путях развития оперного искусства. Молодых людей не интересовали и результаты ядерных исследований. И если быть откровенными до конца, вопросы станковой живописи их не волновали тоже.

Единственный вопрос, который будоражил их умы, можно обозначить простейшей формулой «выпить — закусить».

Нельзя сказать, что Михаил Живаев в свои двадцать лет был отпетым алкоголиком. Но выпить не отказывался. Особенно если угощали. Выпивка же у Метлова водилась всегда, закуску, как говорится, бог послал, поэтому проблема решалась элементарно:

— Наливай!

Наливать они умели. Михаил, например, с малых лет видел, как весьма энергично наливает его отец, и, естественно, научился.

Налили. Выпили. Помолчали. По-видимому, накапливали информацию.

После третьего захода информация хлынула, Правда, в несколько деформированном виде. Обилие вводных слов-паразитов и явная нечеткость дикции не позволяли до конца постигнуть суть высказываний. Дискуссия велась главным образом вокруг упомянутой выше проблемы «выпить — закусить». Было установлено, что пить можно: а) белое и б) красное. От сухого собеседники категорически открестились. Что касается закуски, то здесь ограничений не ставилось — от плавленых сырков до «мануфактуры».

Во время обсуждения вопроса о взаимном уважении хозяин квартиры вдруг сказал:

— Слушш, Миха, а пачему ты ни разу не принес бутылку? Я ттебя ччто, поить должен?

И тут Живаев счел себя смертельно оскорбленным. Подзаряженная винными парами душа выиграла и потребовала сатисфакции. Михаил схватил с полки утюг и с силой обрушил его на голову приятеля. Увидев, что тот свалился со стула, Живаев ударил еще раз, теперь уже по инерции.

Обидчик лежал на полу с окровавленным лицом и не дышал. Справедливость восторжествовала, душа Живаева успокоилась.

И тогда в нем проснулась суетливая деловитость. Он вытащил у убитого документы и пачку лотерейных билетов, потом прикрыл тело сорванной с окна занавеской, взял утюг, непечатую бутылку портвейна и собрался уходить. Однако, подумав, решил с целью сокрытия следов преступления предать все огню.

Через полчаса квартира полыхала. А еще через несколько минут в дом по улице Волгина прибыла пожарная команда...

Однако ни того, как тушили пожар, ни того, как, обнаружив труп, принялись искать преступника, Живаев уже не видел. Закопав на пустыре утюг и бросив в костер документы Метлова, он отправился домой.

Муки Раскольниковца, убившего старуху процентщицу, были ему неизвестны. Придя домой, Живаев разделил пачку лотерейных билетов на три части: себе, матери и невесте. Потом допил прихваченную бутылку — не пропадать же добру! — и лег спать.

* * *

Его нашли через несколько недель. Если бы ему рассказали, как была поднята на ноги вся служба уголовного розыска районного управления внутренних дел, как при полном отсутствии следов преступник все же был обнаружен, Живаев удивился бы...

Но ему не рассказывали, а он не интересовался. На следствии он дал подробные показания. Только один вопрос привел его в замешательство: почему он убил? Живаев долго думал, потом сказал:

— Так я ж был под этим делом.

ГЛАЗНАЯ БОЛЕЗНЬ

Операция была разработана по всем правилам конспирации.

Ровно в девять ноль-ноль автомобиль «Волга» № 05—65 с надписью по борту «Скорая помощь» въезжал на дамбу в поселке Черноречье. Тщательно проследив, чтобы не было «хвоста», Вера

садилась в машину и мчалась на Пионерскую улицу. Здесь она скрыто пересаживалась в трамвай № 6, которым доезжала до явочной квартиры.

В два часа дня, простите, в четырнадцать ноль-ноль та же машина, замаскированная под «Скорую помощь», ждала ее у здания обкома профсоюза. Бросив быстрый взгляд вдоль улицы, Вера тайком садилась в кабину и ехала обратно в поселок Черноречье.

Операция прошла блестяще. Поездки Веры остались незамеченными, хотя продолжались целый месяц. Ведь этот месяц ученик второго класса Марат аккуратно посещал школу № 2, не вызвав ничего подозрения...

Каноны детективной литературы не позволяют автору раскрывать карты в самом начале, принуждая держать читателя в напряжении. Законы сатиры мягче: прямо сейчас, не сходя с места, я вам объясню, что к чему.

Значит, так. Вера, она же медстатистик медсанчасти Соборского химкомбината Вера Николаевна Бородина, вовсе никакой не злоумышленник, а Марат — действительно ученик школы № 2. И машина «Волга» № 05—65 — это настоящая «Скорая помощь», принадлежащая той же медсанчасти. Что же касается явочной квартиры, то это автор придумал. Никакая она не явочная, просто это квартира главврача медсанчасти Галины Ивановны Алферовой. Вот и все. Ясно?

Ах, не ясно? Не ясно, что делала Вера Николаевна в квартире Алферовой? Очень просто, она ухаживала за ее сыном Маратом, кормила его, помогала ему делать уроки, а потом отводила в школу.

Ах, вам непонятно, что в это время делала сама Алферова? Она в это время была на курорте. Не могла же Алферова одновременно и отдыхать и быть рядом со своим Маратом. Естественно, она попросила Веру Николаевну позаботиться о сыне. Ничего тут такого нет, простая дружеская услуга.

Остается неясным, почему в этом должна участвовать «Скорая помощь» и к чему столь сложные маршруты с пересадками.

Ну, про маршруты я вам объясню. Дело в том, что весь этот месяц, пока медстатистик нянчила главврачьевого сына, указанный статистик не посещала места службы. А в таблице, как полагается, ей ставили «восьмерки». Вполне понятно, что главврачу Алферовой не хотелось, чтобы статистика видели в городе, когда она числилась на своем рабочем месте. Ну, а насчет того, что отсутствовала на рабочем месте «Скорая помощь», это уже деталь. Мелочь, не стоящая внимания. Галина Ивановна Алферова на этой самой «Скорой помощи» несколько раз ездила в дальний поселок, где живут ее родители, и ничего.

А почему не съездить, если машина находится в полном ее распоряжении?

ГЛАВ

ВРАЧ

ЛАБО
РАНТ

ТЕРА
ПЕВТ

БЮ
ХИМИК

ЦЕХ.
ВРАЧ

Да что машина — вся медсанчасть в полном ее распоряжении. Медстатистик Бородина ухаживала за ее сыном, санитарка Кодина убирала ее квартиру, зубной врач Калининкова ездила к ее родителям помогать в ремонте их квартиры. А уж шоферу Пискунову сам бог велел прислуживать: он и возил Галину Ивановну в поселок и обратно и подделывал по ее приказу путевые листы, чтобы скрыть следы этих поездок...

...Древние римляне говорили, что, дескать, хонорес мутант морес, что в вольном переводе значит: выбился в начальники и нос задрал. Разумеется, это нехорошо и лишний раз свидетельствует об отсутствии скромности и недостатке внутренней культуры.

Но в конце концов положение носа данного индивидуума может волновать главным образом его знакомых. Хуже, когда продвижение по службе действует на глаза: человек перестает различать, где свое, а где казенное, что допустимо, а что нет. Он начинает смотреть на подчиненного под каким-то особым углом зрения, считая, что тот приставлен лично к нему в качестве слуги, персонального лакея, который обязан исполнять все его прихоти. Да и вообще вся контора — это его вотчина, в которой что хочу, то и ворочу.

К примеру, показалось главврачу Алферовой, что она зарабатывает слишком мало. Велика ли беда — Галина Ивановна оформляет себя по совместительству цеховым врачом-терапевтом и получает еще полставки.

Однако это вызвало кривотолки. Тогда главный врач назначает себя по совместительству лаборантом-биохимиком. А что? Разве не может главврач одновременно руководить медсанчастью, принимать больных в цехе и делать анализы? Конечно, может. Галина Ивановна отлично справлялась со всеми этими обязанностями, получив сверх своей основной зарплаты четыре с половиной тысячи рублей.

Правда, лаборанты ни разу не видели ее в лаборатории, а рабочие в цехе, но стоит ли обращать внимание на подобные мелочи? В конце концов даже за столом главврача Галину Ивановну видели лишь раз в неделю, по пятницам. В пятницу главврач Алферова проводила утром пятиминутку, давала руководящие указания насчет дальнейшей линии служебно-медицинской деятельности, делала ручкой и... уезжала. До следующей пятницы.

Но ничто, как говорится, не вечно под луной. Пришло время прощаться с должностью главврача химкомбината. И тогда Г. И. Алферова глянула окрест и увидела, что еще не все сделала. Что широкое поле деятельности главврача медсанчасти способно дать куда более высокий урожай, чем тот, который сняла Галина Ивановна. Как говорит восточная пословица: что толку в списках, если в поле тебе не выделено доли?

А «доля» стояла в гараже и представляла собой автомобиль «Москвич», принадлежащий медсанчасти химкомбината.

На этот раз операция была гораздо более сложной, чем та, о которой говорилось вначале.

Сперва четыре шофера медсанчасти капитально отремонтировали двигатель.

Потом стараниями главврача была приобретена новая резина и поставлена на колеса.

Затем автомашина была списана как изношенная (при общем и безаварийном пробеге в 55 тысяч километров) и оценена в 1360 рублей.

Ну, а дальше уже совсем просто. Алферова выписывает себе фиктивную доверенность, сдает машину в комиссионный магазин, предварительно договорившись с дирекцией магазина, и в тот же день данную машину покупает ее муж — Константин Сергеевич Алферов. Так сказать, «на общих основаниях».

Вот и все. Теперь можно сдавать должность. Теперь можно пожать руки дружному коллективу медико-санитарной части и сесть в новое служебное кресло.

В кресло заведующего городским отделом здравоохранения.

ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ С ПОГОДОЙ?

Что-то случилось с погодой. Неведомо откуда налетел циклон и надолго застрял, как товарняк на запасном пути. Сверхнормативные осадки морзянкой били в стекла.

Колхозные агрономы, владельцы садовых участков и футбольные тренеры выбегали смотреть на небо и поносили синоптиков:

— Это же черт знает!.. Третью неделю обещают ведро, а тут...

Синоптики озадаченно разводили руками. Теоретически все было правильно. Приборы дружно пророчили великую сушь и настаивали на высоком давлении. Откуда же дождь?

Объявили конкурс на лучший прогноз. Первое место завоевал колхозный пенсионер Иван Альфредович.

— Откройте тайну! — молили его. — Поделитесь!

Дед загадочно скреб затылок. На третий день он сдался, вытер губы ладонью и сказал:

— Не хотелось мне говорить, да уж ладно. Коэффициент у меня, ребятки, имеется. Поправка.

— На что поправка? — не поняли прогнозисты.

— На брак, стало быть.

— На какой еще брак? Где же это брак — в погоде, что ли?

— В природе, братки, никогда брака не бывает, — наставительно сказал Иван Альфредович. — В природе все закономерно. Природа,

она детерминизм соблюдает, понятно? А вот в приборах — да. Вы, ребята, гляньте, кто их произвел, эти ваши штучки-дрючки. Ну-ка?

Метеорологи бросились к приборам. На них красовалась марка: «Громский опытный завод гидрометприборов».

— Неужели? — ахнули синоптики.

...Громский опытный лихорадило. Его лихорадило по причине неизвестности.

Теоретически все вроде было железно. Налажено, учтено, подсчитано и оформлено. Каждый взял обязательство добиваться и выполнять. Каждый обещал сокращать потери рабочего времени и повышать производительность. Кладовщик Серафима Бажан, помимо этого, обязалась регулярно платить членские взносы. Ее примеру последовали комплектовщица Зоя Молочкова, грузчик Борис Иванов, а также слесари и монтажники. Архивариус Ефименко подумала и включила в обязательства прекрасный пункт: «Обязуюсь быть вежливой во время работы и в быту». И хотя было неясно, как проверить выполнение относительно вежливости в быту, все приветствовали инициативу Лиды.

Красиво оформленные бланки после заполнения собрали и спрятали в сейфе у начальника цеха: чтоб не потерялись.

И вот теперь, когда охват достиг почти ста процентов, когда оставалось лишь пожинать плоды и радоваться успехам, пришла неожиданная весть: завод план не выполняет и гонит брак! Как снег на голову.

Вообще-то, если говорить честно, весть не была неожиданной. Подобные вести нередко поступали и раньше. Но теперь! Когда внедрены такие замечательные бланки, а соревнование приняло такой всеохватный размах! Спрашивается: в чем же дело?

Директор С. Д. Петров созвал узкий форум и поставил вопрос:

— Почему?

— А кто его знает? — пожал плечами форум.

— Попрошу конкретнее.

— Тут я как-то ходил с одним корреспондентом, — вспомнил предзавкома Самохвалов, — так ему рабочие жаловались, что нету в шестом цехе газировки.

— Ну и что? Зачем им газировка?

— Душно у них там. Вентиляция ни к черту.

— Попрошу серьезнее. Что у вас, парторг?

— Я тоже ходил как-то с одним корреспондентом, так рабочие говорили, что штурмовщина у нас процветает. По субботам и воскресеньям работаем.

— Та-ак... Что еще?

— А один корреспондент заметил, что звание ударника коммунистического труда последний раз присваивали десять лет назад.

— А я однажды тоже сопровождал корреспондента...
— Ну, и что же?
— Так он спрашивал, куда у нас делась рабочая группа новой технологии, которая была десять лет назад...
— А пятый писал в газете, что у нас обязательства принимаются, но не проверяются...
— А шестой заметил, что в цехах нет ни одного стенда, где бы можно было узнать, как работает каждый рабочий, кто идет впереди, а кто отстает...
— А седьмой корреспондент...
— Что седьмой? Что, я вас спрашиваю, седьмой?..
— Нет-нет, ничего особенного. Просто он допытывался, как наказываются виновники брака...

Наступила тишина. Перед директором лежали газеты. В газетах нелестно отзывались об организации соревнования на заводе гидрометприборов, вскрывались различные недостатки.

— Хватит! — Директор грохнул кулаком по столу.

Он позвонил. Вошла секретарша.

— Слушаю вас, Станислав Дмитриевич.

— Вот что: никаких корреспондентов на завод без моего особого разрешения не пускать. Всем ясно? Вопросы будут?

Вопросов не было. Дождь стучал в окно. Приборы показывали: «Ясно».

АРГУМЕНТ БУЛЬДОЗЕРА

«В один, как говорится, прекрасный день из нашего учрежденческого буфета исчезли рыбные блюда. Буфетчица объяснила: так приказал начальник управления. Нам непонятно, имеет ли он на это право...»

(Из письма в редакцию.)

А что тут непонятного? Все ясно. Кабинет начальника управления расположен по соседству с буфетом, а хозяин кабинета терпеть не может запаха жареной рыбы. Он его с детства не переносит. Вот и запретил. Пусть сотрудники учреждения скажут спасибо, что буфет вообще еще работает. А то ведь в один, как пишут авторы письма, прекрасный день они могут обнаружить его прекрасное отсутствие. Кстати, будут закрыты и некоторые другие помещения на данном этаже, поскольку у начальника обостренное обоняние...

О подобном мелком факте можно было бы не распространяться,

если бы он не стоял в ряду схожих фактов — схожих если не по масштабу, то манере исполнения, по своей сути.

...Спозаранок, торопясь на работу, автомобилист подошел к воротам своего гаража и вдруг с волнением обнаружил, что последние подверглись нападению. Похоже, здесь орудовали хулиганы: кто-то пробил ломом зияющую дыру величиной с кулак.

Увы, предположение не подтвердилось, хулиганы были ни при чем. Дыры пробили, так сказать, в официальном порядке, по указанию начальника жилищной конторы. Данному руководителю необходимо было удостовериться, стоят ли в гаражах машины, а если стоят, то каковы их номера. Дело в том, что он собирался просить райисполком о сносе этих гаражей.

Глядя на оскорбленных гаражевладельцев глазами, полными административного восторга, начальник жилконторы высказал такую глубокую мысль:

— Не буду же я бегать за каждым!

Это было логично. Бегать за каждым начальнику жэка не пристало. Наводить порядок с помощью лома гораздо легче. По силе убеждения лом котируется довольно высоко, уступая лишь бульдозеру.

Вы когда-нибудь пробовали разговаривать с бульдозером?

И не пытайтесь. Он вас переспорит. У бульдозера бульдожья хватка и стальная невозмутимость. В городе Пушкино Московской области бульдозер одержал сокрушительную победу.

В этом городе у гражданина З. была дача. Никаких сомнений в законности ее существования не возникало. Гражданин З. исправно платил арендную плату, а также оплачивал свет и газ.

И вот в один опять-таки прекрасный день владелец дачи обнаруживает полное ее отсутствие. Точнее, неполное. Бывшая дача стала грудой развалин, и над этой грудой в победной позе возвышался бульдозер.

Не будем приводить здесь слова гражданина З., приведем лишь ответ бульдозера. Бульдозер сообщил, что по данному участку будет проходить трасса водопровода, который пролагается в интересах таких же граждан, как З., а потому странно слушать его возмущение. Ах, почему не предупредили? А мы не обязаны за каждым бегать, и вообще нам, строителям, некогда — у нас план. Ах, там погибли ценные домашние вещи? Обращайтесь в суд, гражданин.

Возложив, таким образом, *onus probandi* (что в переводе с латыни значит бремя доказывания) на хрупкие плечи частного лица, бульдозер, грозно урча, удалился.

Не будем смотреть мрачно: вполне возможно, что потерпевший добьется своего и со счета строительной организации будут сняты соответствующие суммы в пользу истца. Истец в какой-то степени удовлетворится, но что будет от этого бульдозеру?

С бульдозером не поспоришь и его не упростишь быть человеком. Бульдозер лезет напролом там, где полагается сначала подумать. Но ведь в конце концов лом не действует сам по себе, а бульдозером управляет человек, такой же, как мы с вами. И так же, как нам с вами, ему не позволены самоуправство и произвол.

НАЕДИНЕ С КОБРОЙ

Рассказали мне на днях анекдот.

Один инициативный купейный пассажир решил избавиться от своих попутчиков, которые мешали ему спать. Сполз он со своей верхотуры, стал на четвереньки и принялся заглядывать под нижние полки.

— Вы что там ищете? — любопытствовали соседи.

— Да вот... — вяло отозвался тот. — Вез я в корзинке кобру, а она куда-то запропастилась. Вы ее случайно не видали?

Попутчиков как ветром сдуло. А хитрый пассажир тут же завалился на свою полку и захрапел...

Анекдоты обычно не требуют комментариев, но мне хочется порассуждать на затронутую тему. А тема такая: хитрость города берет. Обратите внимание — никаких усилий, никаких затруднений. Одно лишь магическое слово — цель достигнута. Никому из нас не хочется оставаться наедине с чужой коброй. Никого не прельщает такая перспектива. И ловкач радостно потирает руки: обжегил дурака на четыре кулака. Мудрецы по этому поводу говорят: не будь разиней. Что же касается самих плутов и надувал, то к ним отношение теплое. Милый обманщик, посмешил публику. Есть даже такие мастера розыгрыша, о которых легенды ходят. Правда, специалисты по разыгрыванию своих знакомых действуют, как правило, бескорыстно, из любви к искусству. Чего нельзя сказать об обманщиках, так сказать, профессиональных...

Гражданину В. Гусарову понадобилось купить тумбочку под телевизор. После долгих поисков он обнаружил подходящую тумбочку в мебельном магазине № 8.

Нет нужды описывать всем известный процесс купли-продажи, обращаю внимание читателя лишь на одно обстоятельство: Гусаров не смог сразу забрать свою тумбочку и получил сохранную расписку. Дескать, покупатель, оплативший стоимость вещи, доверяет магазину хранить ее до того времени, пока не сможет забрать, магазин же обязуется сохранять данную вещь в целости и неприкосновенности. Написал эту расписку от имени магазина продавец Г. Морозов.

На этом этапе все шло своим чередом, и ничто не предвещало осложнений. Осложнения возникли, когда Гусаров через некоторое

время явился за своей тумбочкой и предъявил сохранную расписку.

— А тумбочки вашей нету,— сказал с доброй улыбкой Морозов.

— То есть как нету? А расписка? — удивился покупатель.

— Мало ли что! — весело сказал Морозов.

Покупатель не оценил комичности ситуации. Вместо того, чтобы надорвать живот от смеха, он побежал к исполнявшему обязанности директора магазина А. Зудову и стал требовать или тумбочку, или деньги.

Но Зудов уже включился в забавную игру.

— А мы сейчас проверим, покупали вы у нас эту самую тумбочку или нет. Чем вы докажете, что покупали, а?

— Да ведь расписка... — растерянно твердил покупатель.

— Ну вот, опять за свое,— с хорошей долей юмора сказал и. о.—

Давайте договоримся так: мы проведем инвентаризацию, снимем остатки, и, если у нас окажется в кассе лишних 35 рублей (стоимость тумбочки), вот мы тогда вам их и вернем. Идет?

А что было делать покупателю? Конечно, он мог поднять шум, устроить скандал, вызвать милицию и потребовать прекратить эту комедию. Но покупатель попался вежливый и доверчивый.

Естественно, после снятия остатков никаких лишних денег в кассе не оказалось.

Естественно, исполняющий обязанности директора Зудов сказал, что такой сложный вопрос он сам, без директора, решить не может. Вот придет после болезни директор, тогда милости просим.

Но директор В. Коровин тоже оказался изрядным весельчаком. Он сказал:

— Вот проведем инвентаризацию, и, если обнаружится лишняя тумбочка, считайте, что она ваша.

По всем правилам розыгрыша лишней тумбочки в магазине не обнаружилось. Вот смеху-то...

Но тут у покупателя лопнуло терпение. Или, может, чувство юмора ему окончательно изменило. С покупателями это бывает. Короче, В. Гусаров обратился в народный суд. Судья выслушал обманутого покупателя и сказал:

— Вы вот что, товарищ Гусаров, сходите-ка в магазин и узнайте, есть ли у них расчетный счет в банке. Если расчетный счет есть, мы с этого счета и присудим в вашу пользу тридцать пять рубликов.

Гусаров мигом слетал в магазин:

— Счет в банке у вас есть?

— А как же,— сказал Зудов,— само собой!

После чего состоялся суд. Интересы магазина представлял на нем продавец Морозов. Этот Морозов (он большой шутник!) заявил, что покупатель свою тумбочку уже один раз получил, а теперь требует вторую. Но судья тщательно разобрался в этом деле и отмел

измышления ответчика. Суд постановил взыскать с расчетного счета магазина в пользу истца стоимость пропавшей тумбочки.

В общем, справедливость восторжествовала, и порок наказан. Но почему ухмыляются юмористы из магазина № 8? Почему меч карающей Фемиды не приводит их в трепет?

Так ведь — ха-ха-ха! — счета-то в банке у магазина нет. Он ведь, магазин-то — охо-хо-хо! — не юридическое лицо. И на решение суда ему ровным счетом... Наплевать, одним словом.

Вот ведь какая смешная история. Ай да молодцы сидят в восьмом магазине! Ай да забавники! Обхохочешься... Ну прямо Марк Твены из мебельной сферы.

Да, кстати, я забыл рассказать окончание того анекдота с коброй. Так вот, завалился тот хитрый пассажир спать, а когда проснулся — чувствует, что поезд стоит. Вышел в коридор — тихо. Только проводник ходит и по углам заглядывает.

— Вы чего ищите? — спрашивает пассажир.

— Да вот, тут какой-то чудак кобру потерял, так теперь всех пассажиров переселили, а вагон отцепили.

НИ ПУХА НИ ПЕРА!

Невероятно трудно писать новогодний фельетон. Будничный — еще куда ни шло. Берешь какого-нибудь головотяпа и раздеваешь его, извините, до нитки. Стоит этот голый король во всей своей неприглядности, а публика вместе с автором смеется над ним. Тут король, если он не дурак, начинает быстро соображать, что к чему, и признает критику. Изредка.

Другое дело — фельетон новогодний. Тут не до головотяпов и не до критического стриптиза. Перед новогодним фельетоном стоят большие и серьезные задачи. Задача первая — отразить достигнутое за минувший хозяйственный год. Задача вторая — отметить положительные моменты. Задача третья — обратить внимание на известные недочеты. Задача четвертая — поставить задачи на будущий год.

После всей этой арифметики не остается места для изложения того, ради чего автор, собственно, взял в руки шариковую ручку. Между тем автор взял эту ручку, лелея благую мысль. Автор хотел рассказать о том, с какими головотяпами, ротозеями, бюрократами он встречался в минувшем году. Каких разгильдяев, ханжей, мещан, хапуг, равнодушных чинуш и ловких приспособленцев вывел он на посмешище. С какими карьеристами, пройдохами и рутинерами еще

предстоит сразиться. Но можно ли писать об этом в канун Нового года? Можно ли поминать недобрым словом всякие недостатки, если душа радуется успехам? Нет, пожалуй, лучше поговорим о том, чего мы не успели в прошедшем году.

Итак, сегодня последний день уходящего года. Выходя утром из дома, остановитесь на мгновение. Вспомните, все ли вы успели сделать из того, что намечали на этот год. Может быть, вы не успели купить жене новое платье или дочери — модную сумку? Может быть, вы забыли написать письмо матери, живущей в другом городе, или поздравить с днем рождения старого друга? Если вы музыкант, то, возможно, вы не успели разучить понравившуюся вам пьесу Шостаковича, а если вы конструктор, то, вероятно, не успели завершить работу над новой моделью мясорубки?

Но нет, вы не музыкант и не конструктор, вы еще студент, и у вас на носу сессия. Тогда я знаю, что вас мучает. Вы не успели сделать шпаргалку по сопромату. А?

Конечно, я ошибаюсь: вы не пользуетесь шпаргалками, они вам не нужны, потому что... потому что свои шпаргалки вам отдает ваш друг. Нет-нет, я шучу. Вы знаете все на пять. Ни пуха вам, ни пера, а я пойду к черту. Правда, вам, как обычно, не хватает одного дня перед сессией, чтобы выучить этот проклятый сопромат, который оправдывает свое название и сопротивляется со страшной силой, в соответствии с законом Гука.

Хуже, если вы не музыкант, не конструктор, не физик, не лирик, а, допустим, работник жилищной конторы. И при этом вы не успели залатать крышу. Но вы становитесь на колени (разумеется, символически), бьете себя кулаком в грудь (разумеется, буквально) и клянетесь (разумеется, условно) починить эту крышу сразу же после праздника. Что будет после праздника, никто не знает. Будут новый хозяйственный год, новые планы, новые ассигнования и новые объективные причины.

А объективные причины — это объективные причины.

У меня есть приятель. Не то чтобы приятель, а так, знакомый. Не то чтобы знакомый, а так, полужнакомый. А если точнее, то и вовсе не знакомый. Короче говоря, я его никогда в глаза не видел. Но слышал. По телефону. И читал его произведения, хотя он и не писатель, а просто должностное лицо среднего масштаба. Эти произведения написаны на официальном бланке того учреждения, где он служит.

Так вот, этот самый приятель (а точнее, неприятель), судя по его произведениям, очень хороший человек. Он делает, опять-таки судя по его произведениям, такую уйму добрых дел, он такую тяжеленную ношу на себе таскает и так радуется людям, что хочется представить его в образе щедрого Деда Мороза с подарками. Щедрый Дед Мороз, улыбаясь и веселясь, одаривает людей счастьем. На бумаге.

В натуре наш самодеятельный Дед Мороз никого не одаривает. Хочет, но не может. Объективные причины мешают. То материала не подвезли, то план не спустили, то денег не ассигновали, то рабсила иссякла, то ее на другие объекты перебросили, то именины у тещи, то не до этого, то после этого, то вообще — что вы ко мне пристали? Сказал, сделаю — значит ждите. Ах, надоело ждать? А мне, думаете, вы не надоели? Вас много, а я один, можете жаловаться куда хотите, видели мы таких, вот я вас в милицию отправлю, там разберутся, кто бюрократ, а кто хулиган, сядьте вы на мое место, а я посмотрю, что из этого выйдет...

Как назвать этого моего знакомого (или вовсе не знакомого)? Вы можете назвать его пустобрехом. Или болтуном. Или еще как-нибудь иначе. Ему ничего не стоит пообещать. Ему ничего не стоит дать (или взять) обязательство. Чтобы отстали. **ЧТОБЫ ОСТАВИЛИ В ПОКОЕ.** (Он очень дорожит своим покоем.)

Но, назначая сроки и давая слово, он не думает. Он не рассчитывает. Он не подсчитывает. Пообещал — и с плеч долой.

Одни обещания накладываются на другие, другие на третьи, третьи на десятые. Он весь в долгах и посулах, которые никогда не выполняет. Потому что находятся объективные причины. И эти причины действительно объективные, просто он их не учел. Не сумел учесть, хотя человек отличается от остальных животных, между прочим, и тем, что умеет учитывать причины, условия и возможности.

Если к такому трепачу прийти и попросить:

— Слушай, требуется, понимаешь, отсрочить Новый год денька на два-три. Очень надо.

— На два? — переспросит он. — Нет, на два не могу. На один — пожалуйста.

— Значит, договорились.

— Железно.

И подпишет бумагу. Ему ничего не стоит ее подписать. Но природа не подчиняется его бумагам. Земля вертится вокруг своей оси, а также вокруг Солнца. Это объективная причина, с ней ничего не поделаешь. И когда наш трепач сошлется на такую объективную причину, попробуйте его упрекнуть...

Но хватит об этом. До Нового года осталось совсем мало времени, а сделать нужно так много. Я же, со своей стороны, хочу пожелать вам в будущем году не встречаться с подобными болтунами. Ибо именно из-за таких пустомелей мы часто не успеваем сделать того, что намечали, что запланировали и что должны были выполнить. А если встретите такого — боритесь с ним. Боритесь с болтунами и трепачами. Успеха вам в этом благородном деле! Ни пуха вам ни пера!

МЕЛЬПОМЕНА В ПЕЛЕНКАХ

Я стоял на Дворцовой площади у афишной тумбы. Была полночь. Дул порывистый ветер, и облака плыли по небу, уходя на Петроградскую сторону. Я читал сообщение о сенсационной программе:

НОЧНЫЕ ОРГИИ РАСПУТИНА

(Царский чудотворец)

в I действии

Гибель монархии, да здравствует свобода! Дивертисмент.
Кино-драма. 3 оркестра музыки.

И вдруг услышал за спиной:

— Я вижу, вы читаете афишу. Интересуетесь Мельпоменой, молодой человек, или так, любопытства ради?

— Интересуюсь,— ответил я, кладя начало разговору.— Любопытно бы посмотреть «Ночные оргии». Как ваше мнение?

Незнакомец выглядел несколько непривычно. Широкая бархатная блуза навыпуск, бант на груди, вельветовые брюки, замшевые ботинки. Лицо гладко выбрито, пышные волосы забраны назад. Старый актер, подумал я.

— О, мое мнение! — воскликнул он.— Что может быть прекраснее Мельпомены, музы искусства! Она заманчива, лукава и в то же время простодушна, она только что родилась, когда...

— Позвольте,— прервал я поток его излияний,— это Мельпомена только что родилась? Да ей, уже как бы не соврать, не одна тысяча лет!

— Мельпомена, которой было тысяча лет, умерла 25 октября 1917 года по старому стилю, молодой человек,— строго произнес Старый Актер.— Она почилла в бозе в тот памятный вечер, когда петербургский буржуазный обыватель досматривал в Александринке трогательную мелодраму «Флавия Тессини». Едва закрылся занавес, как с Невы прогремел выстрел «Авроры»... Богиня утренней зари родила новую, революционную Мельпомену. Разве вы не заметили этого?

Я заметил это. На афишных тумбах замелькали новые имена, новые названия, так непохожие на все те, что были до Октября. Новая Мельпомена не имела ничего общего с Мельпоменой старой, это были музы-антиподы, музы-антагонисты.

— Некоторые считают, что новая Мельпомена родилась в кожаной куртке, перепоясанной пулеметными лентами,— усмехнулся мой собеседник.— Это ошибка. Дитя было беспомощным и барахталось в пеленках. А главное, никто толком не знал, как его нянчить. В одном из петроградских театров играли типичную дореволюционную пьесу:

герои ходят по сцене, томятся в неясной тоске, страдают от собственной бесполезности. А в зале матросы, рабочие, красногвардейцы. Совсем недавно они взяли власть в свои руки, в них еще не остыло возбуждение боя, они еще живут страстью борьбы. Они смотрят с напряженным вниманием на сцену, ищут ответа своим чувствам. Ищут — и не могут найти. И вдруг... И вдруг на сцену выходит персонаж, чем-то отдаленно напоминающий только что свергнутого премьера. Что тут началось! «Это Керенский! — кричал зал. — К стенке его!» Поднялась стрельба... Дали занавес...

Мы вышли к Неве. Разведенный Дворцовый мост, мерцаая огнями, раскрыл объятия навстречу идущим по Неве судам. Река вздулась и отливала свинцом.

— А иногда с Мельпоменой творились совсем не шуточные истории, — продолжал Старый Актер. — Артисты бывшего императорского Александринского театра вовсе отказались играть «для новой власти». Театр несколько месяцев был закрыт. Наркомпрос Луначарский обратился к александринцам: «Мы не требуем от вас никаких присяг, никаких заявлений в преданности и повиновении. Вы свободные граждане, свободные художники, и никто не посягает на эту вашу свободу. Но в стране есть теперь новый хозяин — трудовой народ. Трудовой народ не может поддерживать государственные театры, если у него не будет уверенности в том, что они существуют не для увеселения бар, а для удовлетворения великой культурной нужды трудового населения...» В конце концов саботаж был сломлен. Театр открылся для всех. Труднее было с репертуаром. Что играть? Как играть?

— Что играть? — повторил он после паузы. — Какие новые формы должны вместить новое содержание? Свободный театр, открывшийся на Владимирской, давал по субботам концерты, которые назывались так: «Вечера живой революционной радости и бодрых настроений». Рабочий и Крестьянский дом, разместившийся на Литейном, где раньше кутили царские офицеры, теперь устраивал «Развеселые танцульки». Афиша заманивала: «Хороводы — старые годы. Пляски. Игры. Частишки. Горелки. Сказки. Песни. Гаданье. То-то радость всем молодущкам, красным девицам, молодчикам. Все в русских национальных костюмах, поддевах, сарафанах, лаптях, кокошниках и прочее». Была корниловщина, Юденич наступал на Петроград, шла гражданская война... А в театральных журналах шел спор: «Можно ли смеяться?» Деятель Пролеткульта Мгебров утверждал на страницах журнала «Бирюч»: «...Сейчас идет борьба, и шутка звучала бы некстати». Другой театральный деятель, В. Всеволодский-Гернгросс, провозглашал: «Никакие «Ревизоры», никакие Островские тут не помогут. Народу нужно создать театр из его культовых обрядов, которые он справляет...» Ах, сколько тогда было специалистов по вопросу того, что «нужно народу» и что «не нужно», что «кстати» и что «некстати»... Помнится, в то время вошли в моду массовые

представления. В одном таком представлении участвовало несколько тысяч человек. Каково руководить такой толпой? Режиссеры разработали условные знаки. Когда с сигнальной трибуны показывали красный круг, всем надо было поднять руку, зеленый означал — «бежать», размахивание красным кругом — «кричать» и т. д. Крику было много, но толку было мало... А в одном передвижном театре произошел такой курьезный случай...

Мой собеседник засмеялся:

— Вот послушайте. Культпросветдеятели города Житомира, куда приехала оперная труппа, занимали крайнюю левую позицию в театральном вопросе. Они с трудом разрешили играть «Евгения Онегина» и «Пиковую даму», и то только потому, что на сцене в данном случае гибнут представители крупнопоместного дворянства. А вот с «Аидой» вышла заминка. Оперу сочли «устаревшей» и «не отвечающей задачам»... Что делать? Режиссер Г. Багдасаров решил «исправить» Верди. Пусть в опере будет два Радамеса. Один заснет, а другой в это время будет вести восставших рабов на проклятого фараона. В общем, режиссер переставил начальную арию героя в конец, а вместо нее поставил мимическую сцену восстания рабов. Культдеятели города были в восторге... Но вот кончился спектакль — и за кулисы вбегает испуганный помреж:

— Григорий Макарович, у театра толпа! Хотят вас бить!

— Меня бить? — И Багдасаров храбро вышел навстречу оскорбленным любителям оперной музыки.

На него обрушилась лавина возмущенных криков:

— Долой! Не стерпим надругательства над Верди!

Но режиссер был не промах:

— В каком преступлении вы меня обвиняете? Ни одной ноты чудесной музыки Верди я не изъял и не исказил. Я только переставил части. Да живи Верди в наше революционное время, он бы сам это одобрил!..

Публика успокоилась и разошлась по домам...

— Мельпомена, — продолжал Старый Актер, — недолго пребывала в пленках. Она росла, и вместе с ней рос наш зритель, который очень скоро доказал, что ему «нужно», а что «не нужно». Оказалось, что ему нужны не только Гоголь и Островский, но даже Шекспир и Аристофан. В Киеве режиссер К. Мрджанов поставил «Овечий источник» Лопе де Вега. Пьеса кончалась восклицанием Лауренсии: «Тиранов более уж нет!» Публика вскакивала с мест, кричала, топала в восторге ногами, ликовала вместе с артистами. Это был не просто спектакль, это был гимн победе! А вот что рассказал в одной из своих книг Матэ Залка. Во время гражданской войны на Южном фронте наша дивизия была отведена на формирование в сильно потрепанном виде. Бойцы смертельно устали от непрерывных жестоких боев и рады были хоть небольшой передышке. И вот как-то вечером

артисты показали бойцам пьесу, написанную начальником политотдела армии. И случилось чудо. После спектакля усталая, задержанная многомесячной фронтовой службой красноармейская масса потребовала, чтобы дивизию немедленно вернули на фронт. «Врангеля надо уничтожить, стереть с лица земли», — такое решение приняли бойцы после спектакля... Это было уже не младенчество Мельпомены, это была ее боевая юность!

Ночь незаметно перешла в утро. Пожар зари охватил полнеба. Мосты давно соединились в крепком рукопожатии. Я стоял один у афишной тумбы 1917 года. Старый Актер в блузе с бантом исчез, растворился в утренней дымке...

На дворе были 80-е годы.

СОДЕРЖАНИЕ

Экспонат	2
Эскалация чувств	3
Зять королю	5
Оля дает показания	7
Премия и микроклимат	10
Замок с секретом	13
Есть ли жизнь на планетах?	18
Какаду в портфеле	19
Бумеранг	23
Под этим делом	26
Глазная болезнь	28
Что же случилось с погодой?	32
Аргумент бульдозера	34
Наедине с коброй	37
Ни пуха ни пера!	39
Мельпомена в пеленках	43

Юрий Борисович БОРИН

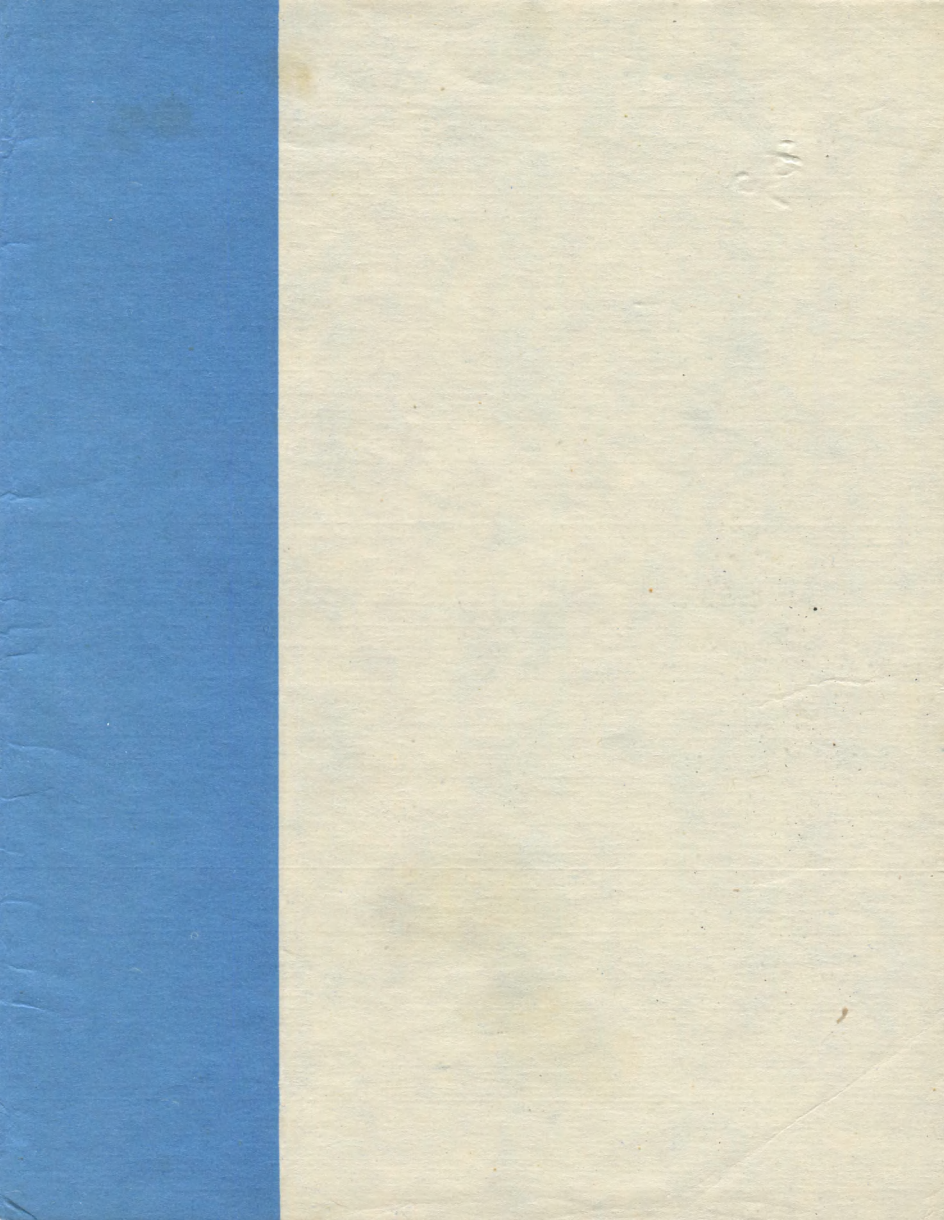
КАКАДУ В ПОРТФЕЛЕ

Редактор В. И. Свиридов.

Техн. редактор С. М. В а й с б о р д.

Сдано в набор 10.05.83 г. Подписано к печати 27.07.83 г.
А 02743. Формат $70 \times 108 \frac{1}{32}$. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 2,92. Тираж 75 000. Изд. № 1911.
Заказ № 720. Цена 20 коп.

**Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.**

Цена 20 коп.

Индекс 72996

30

